

Контрастная жидкость

«Преступление и наказание» режиссера Александра Молочникова в театре «Гешер»

Сцена из спектакля «Преступление и наказание». Фото: geshher-theatre.co.il

17:21, 13 марта 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В день спектакля в наших мессенджерах уже дрожала тревожная инфа типа: «Американцы отпускают сотрудников посольства. Германия рекомендует своим гражданам покинуть Израиль. Мэр Беэр-Шевы наказал службе тыла проверить бомбоубежища».

Лихорадочные звонки местным знакомым — как нам на это реагировать? — ответа не дали. Подруга, израильтянка со стажем, спокойно поинтересовалась — ты кто, сотрудник посольства или житель Беэр-Шевы? В чем дело-то? Короче, одни собирались на пляж. Другие на тренировку. На безмятежной Dizengof-стрит люди тянули кофе или затаривались в канун шабата. Солнце светило, как нам и не снилось.

Завтра меня ждал пикник и пленэр на озере. Так что, оставив панику, я предпочла проигнорировать шаги командора. Да у меня и билеты в партер — что ж мне, всё бросить и улететь?

Сцена из спектакля «Преступление и наказание». Фото: geshher-theatre.co.il

Свой десант к далеким от родины подмогкам я определяю как изыскания на тему, есть ли жизнь на Марсе. Как и чего добиваются театральные русские в эмиграции или, скажем так, на бессрочных гастролях.

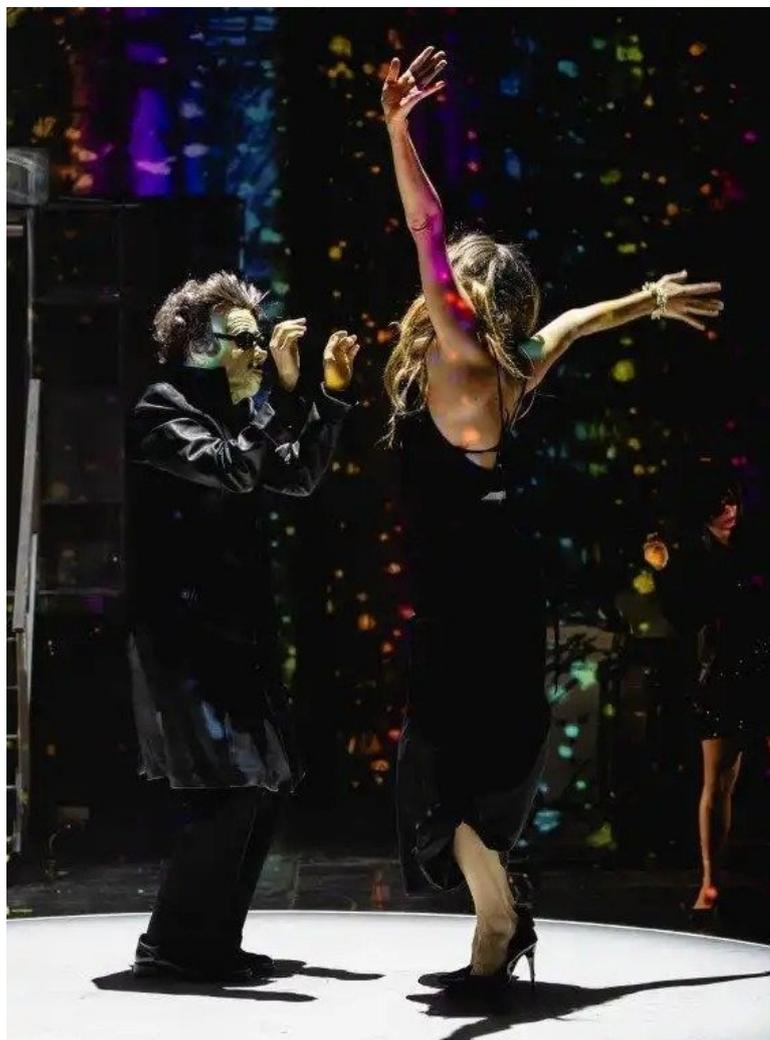
Итак, театр полон. (Что, безусловно, успокаивает, учитывая происходящее.) То ли это Молочников всех созвал, то ли Достоевский — но, скорее всего, жанр. «Преступление и наказание» давали в стиле кабаре.

Лениво поморщилась во мне обида за классика. Вот только канкана ему не хватало! С другой стороны — ну право, сколько ж можно?! Убил, испугался, раскаялся, обрел ... зачитался

Евангелием.

Пора пустить «контрастную жидкость» для концентрации смыслов (слэш-постановки диагноза). И Молочников пустил.

В лучших традициях мюзикла персонажи ФМ водят хороводы, запевают, бегают на месте, размахивают топорами, обливают томатным соком несчастных старух (сорри, все время вылетает из головы, что Лизавета таки беременна). Задник — депрессивный Петербург с мутным оконным светом. Всё, как мы любим. Первое место в забеге разделили Раскольников и Порфирий Петрович — очаровательный трикстер с задатками чекиста. И тот, и другой хороши — а Порфирий еще и упоительно зловец в своей иезуитской дотошности. Совершенно бесподобен.

Сонечка — Нета Рот — та, в чьей Саломее я, было, засомневалась вчера, — сегодня прям на своем месте. Дитя дитем под красным фонарем. Папаша ее Мармеладов, бомж а-ля хипстер, собрал все детали, найденные на дне этой скотской жизни. Пародийно отпет обладателем роскошного баритона на чистом церковно-славянском. Кстати сказать, кодовые «прищепки», произносимые по-русски типа: «А вы и убили-с!» — мелькают изредка, но вовремя. На них и полощется лоскутное одеяло режиссерской фантазии.

Половина массовки — ростовые куклы. Слепки фантомной боли, или фантомной уголовки, или фантомного счастья. Брось их — и всё вернется на свои места, обретет прочность. Да никто что-то не бросает, наоборот, прижимает и тискает.

Сцена в кабинете следователя с ходу напоминает постановку из киношедевра «Двенадцать стульев», ту, что давали в ялтинском театре. Буффонада — а что возьмешь в предложенных-то обстоятельствах.

Гротеск, пародия — но не на Достоевского, а на отношение к нему. Ни одна роль не упрощается до карикатуры, но в то же время ни за одной не успеваешь проследить. Под ноль сострижена философия «тварь я дрожащая или право имею». В остатке — А и Б. Аз и беда. Была надежда на Евангелие — но и оно деликатно удалено из финала, дабы не оскорблять чувства неверующих в него.

Сам финал ничего не сулит, кроме наказания жить бок о бок с классикой до конца дней, как со своей памятью, в ушанках,

дернутых из родных сундуков. К тому же вся эта нетленка теперь заложена у процентщицы по имени Новая реальность. И ключи к ее камерке только-только мучительно подбираются. Прямо на наших глазах. Допустим, мы подойдем, пританцовывая. Допустим, перемигнемся с Бобом Фоссом. Не зря хозяйка раскольниковского жилья — точная копия размалеванного конферансье из «Кабаре». Money-money — их цеховой рефрен.

Сцена из спектакля «Преступление и наказание». Фото: geshher-theatre.co.il

Но преступление и наказание незаметно поменялись местами. Мы уже наказаны. И чтобы избежать наказания — пойдем на преступление. Любое. А за это нам ничего не будет.

Сцены романа перемежаются песнями и плясками ни с того ни с сего. Всё это никак не продолжает и не подтверждает друг друга.

Кабаре, по словам режиссера Молочникова, жанр военного времени. Когда слов нет, а выжить надо. Так и должен выглядеть абсурд. С глупой ухмылкой, хорошим настроением сразу после — и полным ужаса следующим утром, когда твой телефон разорвется от экстренного сообщения. Тревога! Срочно пройдите в безопасное место!

А где оно? А, Федор Михайлович? Где?! Впрочем, вы ничего и не обещали...

Анна Аркатова, Тель-Авив